

УДК 82-31
ББК 84(0)6
Т52

The Black Hand.
The Epic War Between a Brilliant Detective
and the Deadliest Secret Society in American History
by Stephan Talty

Copyright © Stephan Talty, 2017

Печатается при поддержке
Waxman Literary Agency и The Van Lear Agency LLC

Перевод с английского *Максима Сороченко*
Иллюстрация на обложке *Анастасии Корчугановой*
Дизайн обложки *Ольги Медведковой*
Дизайн макета *Анны Анциферовой*

Толти, С.
Т52 Черная рука: Война между блестящим детективом и самым смертоносным тайным обществом в истории Америки : [роман] / Стефан Толти ; [пер. с англ. М. Сороченко]. — Москва : Строки, 2024. — 480 с.

ISBN 978-5-00216-157-7

Летом 1903 года Нью-Йорк захлестнула волна преступности. Похищения детей, расстрелы, взрывы домов, угрозы судьям, сенаторам и светским дамам. Все жертвы — итальянцы. На месте преступления находили изображения черной перчатки. В городе шептались «La Mano Nera — Общество черной руки». Полиции не было дела до расправ какой-то банды над «макаронниками». На счастье, в борьбу с преступниками вступил Джозеф Петрозино, прославившийся «итальянским Шерлоком Холмсом».

Динамичный true crime об Америке начала XX века.

УДК 82-31
ББК 84(0)6

ЧИТАЙТЕ В СТРОКАХ

ISBN 978-5-00216-157-7

© Stephan Talty, 2017.
© Сороченко М., перевод, 2024.
© Корчуганова А., иллюстрация, 2024.
© Издание на русском языке, оформление.
Строки, 2024.

В память о моем отце, иммигранте

Non so come si può vivere in questo fuoco!
(Не понимаю, как можно жить в этом огне!)

ИТАЛЬЯНСКИЙ ИММИГРАНТ,
ВПЕРВЫЕ УВИДЕВШИЙ НЬЮ-ЙОРК

ПРОЛОГ

«ВЕЛИКИЙ ВСЕПОГЛОЩАЮЩИЙ УЖАС»

Днем 21 сентября 1906 года мальчик по имени Вилли Лабарбера¹ весело играл перед принадлежащим его семье фруктовым магазинчиком в двух кварталах от бликующих вод нью-йоркского пролива Ист-Ривер. Пятилетний Вилли носился с друзьями, кричал во всю глотку, катал по тротуару обручи и смеялся, когда деревянные кольца падали на булыжную мостовую. Дети прятались друг от друга за спинами прохожих — банкиров, работяг или молодых женщин в шляпках со страусиными перьями, — направлявшихся домой или в какой-нибудь из местных итальянских ресторанов. С каждым стихийным наплывом людей Вилли и другие дети исчезали из поля зрения друг друга на секунду или две, но затем появлялись вновь, когда людей становилось меньше. В тот день такое повторялось не один десяток раз.

Люди продолжали идти мимо, сотни людей. Близился вечер, серебро реки уже начало тускнеть, и вот опять: Вилли поворачивается, бросается вприпрыжку по улице и скрывается за очередной группой рабочих. Только в этот раз толпа

рассеялась, а мальчик не появился. Место на тротуаре, где он должен был находиться, осталось тревожно пустым в угасающем свете дня.

Друзья заметили его пропажу не сразу. Лишь когда их настигли первые приступы голода, они вернулись и неспешно осмотрели небольшой участок тротуара, на котором провели целый день. Затем принялись усерднее искать Вилли в заметно удлиняющихся тенях. Безрезультатно.

Вилли слыл непослушным и как-то раз хвастался перед друзьями, что любит удирать от родителей шутки ради, поэтому, возможно, мальчишки колебались, прежде чем войти в магазин и сообщить о его исчезновении. Но в конце концов им пришлось сказать об этом взрослым. Через несколько секунд родители мальчика, Уильям и Катерина, выбежали из своего магазина и принялись обыскивать близлежащие улицы в поисках каких-либо следов ребенка, перекрикиваясь с владельцами кондитерских киосков и небольших бакалейных лавок, видели ли они мальчика. Никто не видел. Вилли исчез.

Именно в этот момент произошло нечто странное, сродни телепатии. Еще до того, как вызвали полицию или была найдена хоть какая-нибудь зацепка, вся семья и все друзья Вилли, не обменявшись друг с другом ни единым словом, одновременно пришли к пониманию, что именно произошло. И удивительно, но жители Чикаго, Сент-Луиса, Нового Орлеана, Питтсбурга и всех крошечных городков, раскиданных между ними, матери и отцы пропавших детей, количество которых осенью 1906 года резко увеличилось, приходили к такому же выводу. Кто похищал де-

ЧЕРНАЯ РУКА

тей? *La Mano Nera*, как называли их итальянцы. «Общество Черной руки».

«Черная рука» была печально известной преступной организацией — «сей дьявольской и зловещей бандой»², которая с большим размахом занималась вымогательствами, заказными убийствами, похищением детей и подкладыванием бомб. За два года до этого организация приобрела известность в масштабе целой страны благодаря письму, брошенному в малопримечательном районе Бруклина в почтовый ящик у дома подрядчика, разбогатевшего в Америке. С тех пор угрожающие записки Общества, украшенные рисунками гробов, крестов и кинжалов, стали находить во всех частях города, после чего последовала серия ужасных событий, которые, по словам одного свидетеля, «побили все рекорды преступности за последние десять лет, что стало беспрецедентным случаем в истории цивилизованной страны в мирное время»³. Только ку-клукс-клан мог сравниться с «Черной рукой» по масштабу массового террора в начале XX века. Как выразился один журналист об итальянских эмигрантах: «в глубине души они действительно испытывают великий всепоглощающий ужас»⁴. То же самое было бы уместным сказать и о многих других американцах, заставших осень 1906 года.

Несколько дней спустя семье Лабарбера стали приходить письма, их опасения подтвердились. Похитители потребовали пять тысяч долларов за возвращение Вилли — сумму для его семьи совершенно неподъемную. Точные слова, использованные преступниками, до нас не дошли,

но в подобных письмах часто содержались фразы вроде «Ваш сын теперь среди нас»⁵ или «Не показывайте это письмо полиции, или иначе, клянусь Мадонной, ваш ребенок будет убит». Серьезность сообщения подкрепляли изображения внизу страницы: чернилами на бумаге были выведены три грубых черных креста, а также череп и скрещенные кости. Отличительные знаки «Черной руки».

Некоторые считали, что данная преступная группа и другие ей подобные не только подняли уровень убийств и вымогательств в Америке — в ее темный век демонстративного насилия — на совершенно иную высоту, но и в тот момент проявили себя как пятая колонна, развращающая правительство ради достижения собственных целей. Эта идея висела дамокловым мечом над новыми иммигрантами из Италии по меньшей мере десятилетие. «Широко бытовало мнение, — говорил сенатор от Массачусетса Генри Кэбот Лодж* о предполагаемом итальянском тайном обществе, — что оно расширяет свою деятельность, начинает контролировать присяжных с помощью террора и собирается постепенно взять под контроль правительство города и штата»⁶. Скептики, включая итальянского посла, щетинившегося при одном только упоминании об Обществе, утверждали, что этой группы не существует, что это миф⁷, созданный «белыми» американцами против проклинаемых ими итальянцев, которых они ненавидели и мечта-

* Генри Кэбот Лодж — старший (1850–1924) — американский политик-республиканец, историк и государственный деятель, сенатор от штата Массачусетс с 1893 по 1924 год. *Здесь и далее прим. пер.*

ЧЕРНАЯ РУКА

ли изгнать со своих берегов. Один итальянский острослов сказал как-то об Обществе: «Единственное доказательство его существования, по сути, ограничивается литературной фразой»⁸.

Но если Общество являлось фикцией, то кто похитил Вилли?

Лабарбера сообщили об исчезновении сына в полицию, и вскоре в дверь их квартиры по адресу Вторая авеню, 837, постучал детектив. Джозеф Петрозино — невысокий, плотно сбитый мужчина с бочкообразной грудью, больше похожий на грузчика, — возглавлял знаменитый итальянский отряд полиции Нью-Йорка. Его глаза, которые одни описывали как темно-серые, а другие как угольно-черные⁹, смотрели холодно и оценивающе. Плечи его были широки, а «мускулы похожи на стальные канаты»¹⁰. Но он не был дикарем, скорее наоборот. Ему нравилось поговорить об эстетике, он любил оперу, особенно итальянских композиторов, сам хорошо играл на скрипке. «Джо Петрозино, — писала газета New York Sun, — мог заставить инструмент заговорить»¹¹. Но его истинное призвание — раскрывать преступления. Петрозино, по утверждению New York Times, «величайший итальянский детектив в мире»¹² и «итальянский Шерлок Холмс»¹³, согласно популярной на его родине легенде. К сорока шести годам у него уже сложилась «карьера, столь же захватывающая, как у какого-нибудь Жавера* в лабирин-

* Инспектор Жавер — персонаж романа Виктора Гюго «Отверженные», талантливый сыщик, свято верящий в правоту закона, но исполняющий в романе роль антигероя.

тах парижского преступного мира или у инспектора Скотленд-Ярда, — словом, жизнь, полная таких приключений и достижений, которые могли взбудоражить воображение самого Конан Дойла»¹⁴. Петрозино был осторожен с незнакомцами, неподкупен, обладал тихим голосом и почти безрассудной храбростью, он мог вспылить, если его спровоцировать, и настолько овладел искусством маскировки¹⁵, что, когда находился в образе, даже собственные друзья могли пройти мимо него на улице. Его образование ограничилось шестью классами, однако он обладал фотографической памятью и был способен мгновенно вспомнить информацию, отпечатанную на листе бумаги, на который он мимолетно глянул много лет назад¹⁶. Не успев завести ни жены, ни детей, он всю свою жизнь посвящал избавлению Америки от «Общества Черной руки», угрожавшего, по его мнению, стране, которую он любил. А еще во время ходьбы он имел обыкновение напевать оперетты¹⁷.

Петрозино был одет в свой обычный черный костюм, черные туфли и черную шляпу-котелок¹⁸, когда Уильям Лабарбера открыл ему и проводил внутрь. Отец пропавшего мальчика вручил детективу полученные письма, но рассказать что-то большее об этом деле не мог. «Черная рука» была повсюду и одновременно нигде; почти сверхъестественная в своей вездесущности, она отличалась невероятной жестокостью. Оба мужчины знали это точно. Петрозино видел: родители Вилли «практически обезумели от горя»¹⁹.

Детектив вернулся на улицы города и немедленно приступил к работе, выкачивая все, что можно, из своих информаторов и контактных лиц. У него имелась обширная

ЧЕРНАЯ РУКА

сеть²⁰ из шпионов и осведомителей — или *nfami*^{*}, — раскинутая по всему мегаполису: бармены, врачи, уличные торговцы, адвокаты, оперные певцы, уборщики улиц (из-за цвета спецодежды их называли «белокрылыми»), банкиры, музыканты, сицилийские головорезы со шрамами на лицах. Словесное описание Вилли вскоре появилось в десятках городских газет.

Однако никто не видел мальчика и ничего не слышал о нем. Наконец пришло четвертое письмо, в котором от семьи потребовали продать их скромный дом, чтобы собрать деньги на выкуп. Эта недвижимость была единственной собственностью Лабарбера в Америке, на него они зарабатывали всю свою жизнь. Продажа обрекла бы родителей и детей на ужасную нищету, от которой они могли спастись, разве что покинув Медзоджорно^{**}. Это убило бы в них американскую мечту по меньшей мере на целое поколение.

Каким-то образом Общество предвидело реакцию семьи. В четвертом письме содержался стимул, возможно, адресованный лично миссис Лабарбера. Когда бумагу развернули до конца, из нее что-то выпало на пол. Темная прядь волос Вилли.

^{*} Стукачи (итал. жаргон).

^{**} Медзоджорно — название экономически слабо развитой, в основном сельскохозяйственной части Южной Италии. В переводе с итальянского означает «полдень», назван так из-за интенсивности солнца в середине дня.

* * *

Проходили дни. И не происходило ничего. Мальчик будто испарился.

Наконец на третью неделю один из *nfami* дал ценную подсказку. Этот человек услышал любопытную историю в Кенилворте, штат Нью-Джерси²¹. Одна женщина прогуливалась по рабочему району и встретила мужчину, несущего большой сверток. В тот момент, когда женщина проходила мимо, изнутри свертка раздался пронзительный крик. Мужчина поспешил в стоявший неподалеку обшарпанный ветхий дом (свидетельница употребила слово «халабуда») и закрыл за собою дверь. Однако женщина, пораженная услышанным, осталась ждать снаружи, пристально наблюдая за дверью. Несколько минут спустя тот же мужчина вышел из дома с тем же свертком — теперь молчаливым, — положил его в крытый фургон и уехал.

Услышав этот рассказ, Петрозино немедленно поспешил на 23-ю Западную улицу, чтобы подняться на борт одного из паромов, идущих до Джерси-Сити в Нью-Джерси. Наблюдая удаляющиеся доки Вест-Сайда, где подобно далеким кострам светились в сумерках фонари, свисающие с тележек разносчиков, детектив оперся о поручень и стал прислушиваться к всплескам и вздохам Гудзона, бьющегося за бортом. В голове проносились имена и лица вероятных подозреваемых, осевшие в памяти месяцами и годами ранее и теперь призванные к ответу. Возможно, он выпил стакан пахты, купленной у торговца-разносчика (два цента за нестерилизованный вариант, три — за стерилизован-

ЧЕРНАЯ РУКА

ный²²). Поездка на пароме обычно занимает около четверти часа, что дало Петрозино некоторое время на раздумья.

«Черная рука» с каждым месяцем становилась все более дерзкой и безжалостной. Масштабы того, что творилось в Нью-Йорке, не поддавались осмыслению. В итальянских колониях, как назывались иммигрантские кварталы, мужчины патрулировали улицы перед своими домами с заряженными дробовиками²³; детей прятали в забаррикадированных комнатах, запрещали ходить в школу; многие здания стояли беззащитными перед непогодой, поскольку их фасады были разрушены бомбами, заложенными организацией. Некоторые кварталы Нью-Йорка — одного из самых процветающих и космополитичных городов мира — оказались так сильно разрушены, что можно было подумать, будто метрополис подвергся бомбардировке с дредноута, вставшего на якорь в бухте Аппер-Нью-Йорк-Бей. «Общество тьмы»²⁴ убило многих людей, немалое количество покалечило и теперь держало в страхе десятки, возможно, сотни тысяч граждан. Паника достигла таких масштабов, что стоило какой-нибудь семье вернуться вечером домой и заметить на своей двери черный угольный отпечаток руки — знак визита Общества, — чтобы тут же поспешно собрать вещи и сесть на ближайший корабль, следующий обратно в Италию.

И такое происходило не только в Нью-Йорке. Как давно предсказал Петрозино, страх начал распространяться от города к городу, охватывая всю страну подобно пожару в прериях. «Черная рука» проявила себя в Кливленде, Чикаго, Лос-Анджелесе, Детройте, Новом Орлеане, Сан-Франциско, Ньюпорте, Бостоне, в сотнях небольших городов

и поселков, в лагерях старателей, на карьерах и в сельских общинах между ними. Во многих из этих поселений были убиты мужчины и женщины, взорваны здания, спровоцированы линчевания — все это усиливало недоверие белых американцев к своим итальянским соседям. Бесчисленное множество американских граждан, не только итальянские иммигранты, были похищены Обществом, пополнив вскоре список жертв: в их число входили миллионеры, судьи, губернаторы, мэры, члены семейства Рокфеллеров, юристы, бейсболисты клуба «Чикаго Кабс», шерифы, окружные прокуроры, светские дамы и даже главари преступных группировок. В январе прошлого, 1905-го, года члены Конгресса получили серию писем с угрозами от Общества, и, хотя эта история закончилась уникальным и довольно причудливым финалом, в итоге несколько представителей от разных штатов сделались жертвами «нервного истощения»²⁵.

Несколько городов в Пенсильванском угольном бассейне были захвачены Обществом практически путем вооруженных переворотов, предводители которых приобрели власть над жизнью и смертью местных жителей. После шокирующего убийства, осуществленного «Черной рукой» в Бакинхеме, жители округа отправили губернатору Пенсильвании петицию, больше похожую на обращение поселенцев раннего Запада, окруженных апачами: «Условия здесь невыносимые. Банда убийц прочно окопалась в пяти километрах. Одного гражданина застрелили в спину, другие подверглись угрозам. Власти округа бездействуют»²⁶. Авторы петиции просили прислать «детективов с гончими собаками». В попытке даже не остановить, а хотя бы замедлить

ЧЕРНАЯ РУКА

волну террора срочно писались и принимались новые законы. Юг восстал против итальянских иммигрантов — в основном из-за безобразий, совершаемых Обществом. Президент Тедди Рузвельт — друг Петрозино со времен работы комиссаром полиции Нью-Йорка, — по слухам, внимательно следил за развитием событий из Белого дома²⁷. Даже тщедушный Виктор Эммануил III, король Италии, нашел время оторваться от своей огромной коллекции монет, ставшей его навязчивой идеей, чтобы написать Петрозино об этой важной проблеме, терзавшей его королевское сердце, не забыв присовокупить к письму дорогие золотые часы²⁸. Граждане многих стран — от Франции и Англии до Индии — были увлечены этим состязанием между силами цивилизации и темной анархией и, возможно, даже испытывали злорадство по поводу трудностей, с которыми пришлось столкнуться молодому сельскому выскочке*, вынужденному наводить порядок среди темноглазых иммигрантов.

Петрозино был прекрасно осведомлен о прикованном к происходящему внимании, и на то имелись веские причины. Он был не простым наемным служащим Департамента полиции Нью-Йорка. Он был знаменитостью — возможно, самым известным итало-американцем в стране. А со славой, по крайней мере по мнению самого Петрозино, пришла и ответственность. Вместе с небольшим отрядом итальянцев-единомышленников — адвокатом, окружным прокурором

* Теодор Рузвельт вступил в должность президента США в юном возрасте и был младше всех своих предшественников, до своей политической карьеры был фермером.

и основателем земляческого клуба, детектив намеревался инициировать создание общественного движения, которое покончило бы с двусмысленным положением итальянцев в Америке. Ведь их соотечественников заклеили как диких необузданных людей, совершенно непригодных для американского гражданства. Петрозино яростно протестовал.

«Итальянец от природы свободолюбив, — заявил он газете New York Times. — Ему приходится ожесточенно бороться за просвещение в собственной стране, и то, чем является сегодня Италия, было достигнуто в героической борьбе»²⁹.

Но его собственная борьба за превращение итальянцев в полноправных американских граждан дала сбой перед лицом непрекращающейся войны с Обществом, в результате чего даже Times присоединилась к призывам положить конец иммиграции из Южной Италии. Как поменять отношение общества к соотечественникам, пока «вампиры»³⁰ из «Черной руки» взрывают бомбы, калечат и убивают людей по всей стране?

Петрозино осознал: это решительно невозможно. Два явления слишком тесно переплетены между собой. Писатель Г. Ф. Лавкрафт позже дал пример неприязни, которую белые американцы питали к новоприбывшим. В письме к другу он описывал иммигрантов из Италии, столпившихся в Нижнем Ист-Сайде, как существ, которых «сколько ни напрягай воображение, нельзя назвать людьми»³¹. Вместо человеческих образов «они являли собой чудовищные и бесформенные воплощения питекантропидов и амеб, вылепленных из некой вонючей вязкой жижи разложившейся земли, которая скользит и сочится по грязным улицам, снуя

ЧЕРНАЯ РУКА

через дверные проемы и обратно, и их невозможно сравнить ни с чем, кроме с кишасщими червями или глубоководными безымянными тварями».

Если бы Петрозино побеждал в битве с «Черной рукой», его крестовый поход шел бы куда более гладко. Но 1906 год сложился хуже некуда: пролилось немало крови, оказались потеряны союзники и территории. Тень, отбрасываемая Обществом, распростерлась уже на всю приемную родину Петрозино — от каменных особняков Лонг-Айленда до скалистых бухт Сиэтла. Петрозино одолевали дурные предчувствия.

Но этим конкретным вечером он заставил их замолчать. Нужно было найти Вилли Лабарбера.

Сойдя на берег, Петрозино нанял экипаж. Кучер присвистнул на лошадей, и те помчали детектива в сторону Кенилворта, расположенного примерно в двадцати милях западнее. Пирс очистился от пассажиров, и тогда наполненная углем конная повозка вкатилась на борт парома, разгрузила в машинное отделение свежее топливо и отбыла. Паром отправился в обратный путь на Манхэттен. На пристани звенела тишина. Несколько часов спустя у причала появился экипаж, из которого выбрался Петрозино. Дождавшись прибытия парома, он поднялся на борт. Судно отошло от пирса в Нью-Джерси и заскользило по темной, покрытой рябью воде к газовым фонарям, мерцавшим на другом берегу Гудзона. Петрозино возвращался один. Мальчика с ним не было.

Когда Петрозино доводилось переживать из-за каких-нибудь особенно трудных случаев, он искал убежище

СТЕФАН ТОЛТИ

в операх Верди³², своего любимого композитора. В такие моменты он брал скрипку и смычок и начинал играть, как правило, одну и ту же мелодию из «Травиаты» — *Di Provenza il mar*, арию Жермона. В ней отец утешает сына в связи с потерей им любимой, напоминая молодому человеку о доме в Провансе, где он провел детство, об ослепительном солнце и сладких воспоминаниях:

*Oh, rammenta pur nel duol
ch'ivi gioia a te brillò;
E che pace colà sol
su te splendere ancor può.*

(Горем здесь измучен ты,
Сгибли все твои мечты,
Там же нет борьбы с судьбой,
Там воскреснешь ты душой.)

Сидя в своей холостяцкой квартире, Петрозино играл арию «без умолку». Сильные руки его медленно двигали смычком, извлекая лирические первые ноты, прежде чем перейти к более сложным частям. Ария Жермона — произведение прекрасное, но чрезвычайно скорбное. Оно выражает тоску по тому, что прошло и, скорее всего, никогда не вернется.

Можем себе только представить, сколько раз соседи Петрозино прослушали ее в тот вечер.

«СТОЛИЦА ПОЛОВИНЫ МИРА»

3 января 1855 года. На насыпном берегу реки недалеко от Нового Орлеана лежит мертвец³³. Миссисипи несет свои воды на юг, в сторону Мексиканского залива всего в нескольких футах от его вытянутой руки. Даже беглого взгляда хватило бы любому наблюдателю, чтобы понять: смерть этого человека постигла насильственная. Испачканная алым рубашка пропорота в нескольких местах: не менее дюжины ударов ножом. В довершение горло перерезано от уха до уха, и рану окружает густо запекшаяся на жаре кровь. Это Франсиско Доминго — первая известная жертва «Черной руки» в Америке.

Джозеф Петрозино появится на свет только через пять лет. «Общество Черной руки» опередило его на континенте почти на два десятилетия.

В отличие и от Доминго, и от большинства будущих своих врагов, Петрозино не был сицилийцем. Его родина — провинция Салерно области Кампания, внизу передней части голенища итальянского сапога. 30 августа 1860 года в коммуне Падула, где расположен знаменитый картезиан-

ский монастырь*, в семье портного Просперо и его жены Марии³⁴ появился на свет первый ребенок, Джузеппе Микеле Паскуале. По итальянским меркам семья Петрозино оставалась небольшой — у Петрозино были всего один младший брат и одна младшая сестра. Когда сам Джузеппе был совсем маленьким, скромный дом портного потрясли сразу две трагедии: по причинам, в источниках не указанным, умерла мать, а сам будущий детектив заболел оспой, что в 1860-х годах частенько становилось смертным приговором. Джузеппе выжил, однако рубцы на его коже остались на всю жизнь.

Первая трагедия, вероятно, наиболее остро повлияла на маленького ребенка. Петрозино никогда не рассказывал о матери — он вообще редко говорил о личном — и из-за этого был печально известен молчаливостью и замкнутостью, которые отмечали многие, выдвигая разнообразные теории, наиболее популярные из них: отсутствие нормального образования и особенности профессии. «Он никогда не улыбается»³⁵ — так часто писали в статьях, заполонивших газетные страницы в начале XX века, когда Джо Петрозино приобрел общенациональную известность. Только все это неправда. Ему не были чужды яркие эмоции, он был способен не менее искренне проявлять радость и нежность, чем лютую свирепость. Несколько особо близких к нему людей даже клялись, что пару раз им удавалось уговорить его продемонстрировать на вечеринке знаменитую способ-

* Картезианский монастырь Чертоза-ди-Падула является крупнейшим по площади монастырем Италии и входит в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО.

ЧЕРНАЯ РУКА

ность к маскировке и перевоплощению. Однако, безусловно, потеря матери оставила в его душе глубокий и скорбный след.

Годы его детства стали судьбоносными для Италии. Джузеппе Гарибальди возглавил войну за объединение государств полуострова, включая Королевство обеих Сицилий* и Папскую область**, чтобы создать современное итальянское государство. Однако бедность и беззаконие, особенно в южных регионах, никуда не делись, и в 1873 году, когда Петрозино исполнилось тринадцать лет, его отец решил попытаться счастья в Америке. Просперо купил для всей семьи билеты на парусно-паровое судно, следовавшее до Нью-Йорка.

Тринадцать лет считается важным возрастом в Медзоджорно: время мальчику оставить позади детские шалости и начать познавать устройство мира и как в нем следует вести себя мужчине. По общепринятому мнению, это возраст, когда начинается взросление. К тому моменту Петрозино наверняка усвоил многие правила итальянской жизни и чести, наиболее важными из которых считались *ordine della famiglia* (семейный порядок), то есть главные ценности и обычаи, диктовавшие основы правильной жизни в городах Южной Италии. Важнейшие принципы *ordine* гласили:

* Королевство обеих Сицилий — государство в Южной Италии в 1816–1861 годах, созданное при объединении Неаполитанского и Сицилийского королевств. В описываемый период было самым большим по территории государством Апеннинского полуострова.

** Папская область (она же Папские государства) — ряд территорий в Италии, находившихся под непосредственной суверенной властью папы с 756 по 1870 год.

никто и никогда не должен ставить себя выше семьи, нельзя позволять личным амбициям брать верх над долгом. Суровые природные условия Медзоджорно, где вся жизнь была, по сути, битвой, требовали повиновения старшим.

Двадцать пять дней длилось путешествие четырех Петрозино в Нью-Йорк, где они влились в раннюю волну итальянской иммиграции, состоявшую в основном из квалифицированных рабочих и людей с образованием. Семья поселилась на Манхэттене, и Петрозино, поступив в государственную школу, начал изучать английский язык. Как италогворящему, ему пришлось начинать учебу с младших классов. В те времена эпоха массовой итальянской иммиграции в Америку еще не началась. К 1875 году насчитывалось всего 25000 итальянцев, прибывших из Старого Света, и они относительно легко ассимилировались в таких городах, как Нью-Йорк или Чикаго. Но в 1880-х на Восточное побережье стали в огромном количестве прибывать отчаянно бедные мигранты из Италии, и это вызвало нарастающую напряженность в отношениях с местным населением. В 1888 году одна из новоорлеанских газет напечатала серию карикатур под общим заголовком «Что касается итальянского населения»³⁶. На одной из них, например, художник изобразил клетку, битком набитую итальянцами, которую опускали в реку. Подпись гласила: «Вот способ от них избавиться». Однако еще в 1873 году молодой теперь уже Джозеф сталкивался с ненавистью на улицах Нижнего Манхэттена.

Итальянцы заселялись в районах, по меньшей мере пару поколений принадлежавших ирландцам. Новоприбывшие

ЧЕРНАЯ РУКА

со своим странным, плавно звучащим языком, буйными празднествами, смуглой кожей и вызывающей недоумение едой оказались в меньшинстве и часто подвергались жесточайшей травле. Иногда, стоило итальянской семье въехать в многоквартирный дом, ирландцы тут же съезжали из него в знак протеста. В одном из наиболее взрывоопасных районов полицейские ежедневно выстраивались вдоль улиц к моменту окончания уроков в местной школе³⁷. Когда итальянские дети выходили из здания, ото всех близлежащих многоквартирных домов несясь вой, эхом отражавшийся от бульвариков мостовой. Одна ирландская мать за другой поднимали створки на окнах, высовывались наружу и кричали своим сыновьям: «Смерть макаронникам!» И светложелтые мальчишки поднимали с мостовой камни и кидали их в головы итальянских ребятишек, стайками выбегавших из школы. Небольшие банды бросались на темноволосых детей и пытались отсечь отстающих. Если они загоняли кого-нибудь из мальчиков или девочек в угол, то били до тех пор, пока не начинала течь кровь. «Это был сущий ад», — вспоминал один итальянец, проходивший в детстве через этот ежедневный ритуал.

Страх перед нападениями, приводившими к выбитым зубам и треснувшим костям, побудил одну из групп итальянских учеников обратиться к новичку, который, казалось, излучал собою силу. Молодой Джо Петрозино никогда не избегал сражений с ирландцами³⁸. Напротив — судя по всему, он ими наслаждался. Как только раздавался последний звонок, Джо выводил своих братьев-иммигрантов на улицу и начинал пристально высматривать врагов.

Если какому-нибудь ирландскому ребенку удавалось проскользнуть мимо полицейского оцепления и швырнуть камень в одного из итальянских детей, сгрудившихся за спиной Джо, он мгновенно бросался в атаку. Начинал он всегда с града ошеломительных ударов, обрушиваемых на голову напавшего, после чего пытался разбить череп светлогожего о булыжники. Очень часто Петрозино возвращался домой в рубашке, заляпанной кровью. Со временем его имя среди местных стало в какой-то степени легендарным.

Несмотря на довольно жесткое вступление в манхэттенскую жизнь, Петрозино быстро проявил признаки типичного «нового» американца: начал выискивать способы «подняться». Он и еще один итальянский паренек, Энтони Маррия, затеяли продажу газет и организовали пункт чистки обуви прямо напротив дома номер 300 по Малберри-стрит — в районе, который вскоре приобретет известность как Маленькая Италия. Здание оказалось штаб-квартирой Департамента полиции Нью-Йорка, и Петрозино если не продавал газет World и Herald, то начищал ботинки патрульным полицейским, носившим темно-синюю суконную форму с блестящими золотыми пуговицами. Некоторые полицейские относились к мальчикам по-доброму, другие обзывали их «макаронниками», «итальяшками» или даже «гвинеей» — особенно ненавистным оскорблением, напрямую связывающим итальянцев с рабством, поскольку первоначально этот термин применялся к людям, похищаемым из Гвинеи, с западного побережья Африки.

Юный иммигрант не придавал значения грубому обращению. «Он был большим, рослым мальчиком, — вспо-

ЧЕРНАЯ РУКА

минал его друг Энтони, — и ужасно амбициозным»³⁹. Большинство итальянских детей рано бросали учебу и шли работать в появившиеся по всей Маленькой Италии швейные мастерские, собирали тряпки, становились помощниками старьевщиков или же торговали чем-нибудь с тележек. Джо продержался в школе дольше, чем большинство мальчишек-иммигрантов, не прекращая тратить все свободное от школы время на чистку обуви. Но стремление к образованию в конечном счете уступило потребности в деньгах. После шестого класса Петрозино бросил учебу в государственной школе № 24, что расположена на углу улиц Баярд и Малберри.

И тогда Джо окончательно присоединился к тысячам итальянских мальчишек, заполонивших улицы в качестве чистильщиков обуви. К ребятам, многие из которых сами не носили обуви даже в морозные нью-йоркские зимы, наперебой кричавшим прохожим: «Хотите начистить ботинки?»⁴⁰ Получив согласие, Петрозино привычно бросал на мостовую старый кусок ковра, чтобы не повредить колени, брал щетку из своего ящика и начинал счищать грязь с грубых башмаков работяг или со шнурованных по щиколотку ботинок толпившихся вокруг полицейского управления адвокатов и журналистов, а затем наводил блеск с помощью ткани.

Чистильщики сапог, зарабатывающие до двадцати пяти центов в день, располагались у самого подножия социально-экономической лестницы Манхэттена 1870-х годов. Эта работа познакомила молодого итальянца с наиболее неприглядной стороной нью-йоркской капиталистической дей-

ствительности, то есть с Таммани-холлом*. При правивших городом ирландских политиках итальянские чистильщики сапог были вынуждены не только отстегивать наличные за привилегию работать в определенных местах, но и в качестве бонуса бесплатно чистили обувь полицейских⁴¹. Любой рискнувший взбунтоваться против сложившегося порядка мог накликать визит к себе домой какого-нибудь отбитого на всю голову сына Голуэя**.

У Петрозино имелись веские причины проявлять напористость: портняжный бизнес его отца потерпел полный крах, в то время как третий трудоспособный мужчина в семье — младший сын по имени Винченцо — вырос полнейшим ничтожеством. «Он был безответственным, — рассказывал Винсент Петрозино, внучатый племянник Джо и Винченцо. — Менял одну профессию за другой. Так и не нашел себя в Америке»⁴². Честно говоря, всей семье Джо недоставало его жгучих амбиций: все они, по словам внучатого племянника Винсента, были «кучкой бездельников», которые очень быстро сели на шею подростку, и даже их выживание стало зависеть от его заработка. Отец Джо, Просперо, мечтал лишь о том, чтобы вернуться в Италию, купить участок земли и дожить последние годы среди ци-

* Таммани-холл (англ. Tammany Hall), также известный как Общество святого Таммани, Сыновья святого Таммани или Колумбийский орден, — нью-йоркская политическая организация, основанная в 1786 году и ставшая главной местной политической машиной Демократической партии, игравшей важную роль в контроле над политикой Нью-Йорка и штата Нью-Йорк с 1790-х по 1960-е годы.

** Голуэй — город в Ирландии.